

Ст. Кузнецовъ.

ГОГОЛЬ И ТУРГЕНЕВЪ:

НѢСКОЛЬКО ПАРАЛЛЕЛЕЙ ИЗЪ ИХЪ ЖИЗНИ.

(Прочитано въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, 7 апрѣля 1902 года).

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

1421767

Ст. Кузнецовъ.

ГОГОЛЬ И ТУРГЕНЕВЪ:

НѢСКОЛЬКО

ПАРАЛЛЕЛЕЙ ИЗЪ ИХЪ ЖИЗНИ.

(Прочитано въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, 7 апрѣля 1902 года).

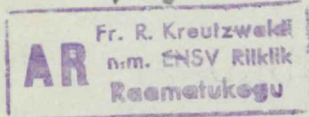
Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Ar 902

Кузнецов

69.241

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. VI.

Ив. С. Тургеневъ въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“ сообщаетъ, что въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1852 года онъ случайно въ утреннемъ собраніи одного общества узналъ вмѣстѣ съ другими отъ Панаева о смерти Н. В. Гоголя въ Москвѣ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщеннаго ему извѣстія, онъ написалъ извѣстную, прогремѣвшую по всей Россіи вслѣдствіе участи автора статью: „Письмо изъ Петербурга“, не разрѣшенную въ печати въ Петербургѣ и напечатанную только 13 марта совершенно случайно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ.“ Въ этой статьѣ, къ которой по тону своему вполне подходитъ мнѣніе, высказанное самимъ же Тургеневымъ, „что нѣтъ богатаго купца, о смерти котораго журналы не отозвались бы съ бѣльшимъ жаромъ“, — въ ней впервые употреблено было то имя, которое теперь всѣми безъ спора, единогласно прилагается къ Гоголю — „великій“, и то сужденіе, которое въ наше время всѣми, или съ нѣкоторымъ дѣлежомъ съ Пушкинымъ, считается главнымъ о Гоголѣ: „человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы“. За имя „великій Гоголь“ и за это сужденіе молодой, въ то время только начавшій свою дѣятельность писатель, извѣстный только писатель „Записокъ Охотника“ — ибо еще не было написано имъ ни одного крупнаго произведенія — былъ посаженъ подъ арестъ,

— первые двадцать четыре часа бесѣдовалъ въ сибиркѣ съ изысканно вѣжливымъ и образованнымъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, а потомъ сосланъ въ деревню. Правда, все обошлось къ лучшему, говоритъ Тургеневъ: „пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія“. Вотъ въ чемъ было суждено возымѣть личности Гоголя „значительное вліяніе на его жизнь“, того Тургенева, который, какъ слушатель профессора - Гоголя, оставилъ намъ страничку воспоминаній о неудачной профессурѣ нашего писателя, того Тургенева, который, понимая Гоголя, какъ человѣка совершенно другого міросозерцанія, чѣмъ онъ, который, восторгаясь имъ, какъ чтецомъ-декламаторомъ своихъ произведеній, благоговѣлъ передъ Гоголемъ-поэтомъ: „Великій художникъ, великій поэтъ былъ передо мною, и я глядѣлъ на него, слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда не соглашался съ нимъ“.

Вотъ суть воспоминаній великаго Тургенева — они писаны не раньше 68 года — о великомъ Гоголѣ. Въ нихъ, кромѣ справедливой дани творцу „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, особенное вниманіе читателя останавливаютъ два факта: значительное вліяніе личности Гоголя на жизнь Тургенева вслѣдствіе статьи послѣдняго о первомъ, вліяніе „посредственное“, которое отмѣчено самимъ Тургеневымъ словами его, приведенными выше, и разница между міросозерцаніемъ Тургенева и Гоголя — „лежала цѣлая бездна“, по выраженію автора воспоминаній.

Справедливо замѣчаніе Тургенева, что между міросозерцаніемъ его и Гоголя „лежала цѣлая бездна“. Если лицо — зеркало души, то взгляните на портреты этихъ писателей и одного этого достаточно, чтобы сказать, что Тургеневъ и Гоголь — личности ихъ — не похожи другъ на друга. Тургеневъ съ его сѣдыми, густыми волосами, съ такой же бородою, окаймлявшей все его лицо, съ его лбомъ, со складками на

немъ и на переносицѣ, съ толстымъ носомъ, съ глубокими и широкими вдумчивыми глазами, нѣжнымъ, жизненно задумчивымъ взглядомъ — настоящій типичный великорусскій помѣщикъ-дворянинъ. Недаромъ его родина — Орель, центръ Великороссіи. Иностранцы называли его обаятельнымъ великаномъ, крѣпкимъ гигантомъ съ бѣлыми волосами; онъ величественно красивъ, неизмѣримо красивъ, съ небесной синевой въ глазахъ, съ очаровательной пѣвучестью русскаго говора.

Не то представляетъ наружность Гоголя. Припомнимъ какъ ее нарисовалъ нашъ классическій мастеръ описанія наружности Тургеневъ: „Его (Гоголя) бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго, бѣлаго лба такъ и вѣяло умомъ. Въ небольшихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость — именно веселость, а не насмѣшливость; но вообще, взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный, заостренный носъ придавалъ фізіономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили также его одутловатыя, мягкія губы подъ остриженными усами; маленькій подбородокъ уходилъ въ широкій бархатный черный галстукъ. Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что-то не профессорское, а учительское — что-то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ“. Въ приведенныхъ фразахъ описана наружность Гоголя за полгода до смерти его. Гоголь, не считая его бѣлокурыхъ волосъ, типичный малороссъ изъ-подъ „Пілтavy“. Въ немъ нѣтъ степенности и величавости помѣщика-барича Тургенева; въ его лицѣ проглядываетъ практичность и хитрость. Да и неоткуда было взяться этому у Гоголя. И ихъ родъ — происхожденіе, среда, первоначальное воспитаніе, условія дѣтства и отчасти юности, самая природа ихъ родины чуть ли не діаметрально противоположны. Тургеневъ — русскій европеецъ, поклонникъ Грановскаго и школы западниковъ,

поклонникъ Гегеля и ученыхъ нѣмецкаго моря, въ которомъ онъ сознательно окунулся, искупался и остался на всю жизнь русскимъ европейцемъ; Тургеневъ — лучший представитель взглядовъ незабвеннаго царствованія Царя Освободителя, особенно перваго его десятилѣтїя, защитникъ личной свободы, человѣческаго я, „посредственный“ освободитель 22 миллионовъ русскихъ крестьянъ отъ рабства; натура мягкая, даже женственная, славянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Тургеневъ, дѣйствительно, по мѣткому замѣчанію Драгоманова, „богоравный“.

Гоголь — первымъ и главнымъ образомъ малороссъ-хохоль; практичный, хитрый, въ извѣстной степени льстивый, лицемерный и подбострастный; это человѣкъ себѣ на умѣ, котораго не сразу раскусишь даже въ данномъ, извѣстномъ дѣлѣ; въ немъ нѣтъ широты и размаха русской природы, души на распашку; онъ весь ушелъ въ самого себя, спрятался въ себя; и Гоголь, живущій для всѣхъ, на показъ всѣмъ, и Гоголь внутренней, про себя — совершенно не одно и тоже. Европейца въ Гоголѣ нѣтъ. Сама Европа, европейская мысль и культура, ставшая знакомой Гоголю уже въ зрѣлыхъ его лѣтахъ, не оставила, можно сказать, никакого даже поверхностнаго слѣда; онъ не только не жилъ ею, не отдалъ ей дань, но даже она не вызывала въ немъ и особаго интереса; онъ проходилъ, прошелъ мимо нея, не замѣчая ея; у него была своя собственная, гениальная „самородная“ мысль; она захватывала его и не позволяла или, вѣрнѣе, не вызывала возможности остановить его вниманіе на другой мысли; Гоголь плавалъ по „нѣмецкимъ“ морямъ, скользилъ по „нѣмецкимъ“ землямъ, но не купался, не окунывался въ первыхъ, не принималъ и не всасывалъ въ себя никакой пищи, произрастаемой во вторыхъ. Для него только красоты вселенной вездѣ имѣли свою притягательность; но это дѣло рукъ Божескихъ, а не умовъ человѣческихъ. Для Гоголя, не испытывающаго, не видѣвшаго вблизи ужасовъ „Ганнибаловой клятвы“ Тургенева, искавшаго всю жизнь свободы въ самомъ себѣ, той свободы,

которая можетъ быть у человѣка при какихъ-угодно его положеніяхъ и которая не можетъ быть отнята никѣмъ, ни однимъ словомъ не заикнулся противъ этой клятвы Тургенева; своей внутренней борьбѣ съ тѣмъ пламенемъ, который жегъ его до самой смерти, Гоголь отдалъ почти всю свою личность, все свое я и какъ бы не хотѣлъ знать о борьбѣ личностей, крѣпостныхъ и владѣвшихъ ими. Надѣленный отъ природы твердою волею, которую онъ проявлялъ еще въ школѣ, съ развитымъ самообожаніемъ и вѣрою въ свое личное высокое назначеніе, съ привычкою, чтобы не ему служить, а ему служили, Гоголь былъ не славянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а малороссъ съ думкою „себѣ на умѣ“, не бо гор авный, а человѣкоравный, со всѣми достоинствами и особенно недостатками человѣческими, любившій „хлѣбъ земли могильной съ ея страстями“, но только оплачивающій и оплатившій за это нравственными мученіями, самоистязаніями великаго человѣка-мученика.

Но при всей цѣлой безднѣ между Тургеневымъ и Гоголемъ, въ ихъ жизни, въ ея обстоятельствахъ, въ ихъ дѣятельности, творчествѣ и приемахъ его, мотивахъ и внѣшнихъ условіяхъ есть поразительная аналогія, на которой любопытно остановиться, есть параллели, которыя интересно прослѣдить.

Дѣтство обоихъ писателей почти совершенно не похоже одно на другое. Развѣ есть нѣкоторое внѣшнее сходство — оба они дѣти помѣщиковъ, но совершенно разныхъ и по родословной и особенно по понятіямъ; у обоихъ писателей — матери были сиротами и обѣ вышли по любви за своихъ будущихъ мужей, но мать Гоголя — сирота счастливая, любимая, сирота потому, что не могла жить съ отцомъ; мать Тургенева — сирота горемычная, мученица, ненавидимая и ненавидящая. И бракъ по любви первой принесъ тихую, спокойную, заурядную, но счастливую жизнь, а второй — не далъ и этого. А отсюда и положеніе дѣтей было различно въ семьѣ; правда, оба они были любимцами въ семьѣ, но на „геніальнаго Никошу“ молились, а на маленькаго Тургенева

чуть ли не ежедневно сыпались розги изъ собственныхъ ма-
шинныхъ рукъ да еще съ приговариваніемъ : „самъ долженъ
знать, самъ догадайся, за что я сѣку тебя“.

Если не таково было отношеніе отцовъ обоихъ писателей
къ нимъ, то и въ данномъ случаѣ есть разница : заботы, ласки
и попеченіе видѣлъ Гоголь со стороны своего родителя; чуть
ли неполное равнодушіе встрѣчалъ къ себѣ Тургеневъ со
стороны своего отца. Одинокимъ росъ Тургеневъ въ соб-
ственной семьѣ и не скучалъ онъ по ней, не тянуло его къ
ней изъ пансіона Вейденгаммера : въ семьѣ, кромѣ одиночества,
его душили тѣ сцены произвола, притѣсненія и издѣватель-
ства, которыя проходили передъ глазами впечатлительнаго и
наблюдательнаго мальчика. — Центромъ семьи, ея вниманія
и заботъ былъ Гоголь; въ нее тянуло гимназиста — нѣ-
жинца; по ней онъ скучалъ и томился и съ нетерпѣніемъ ждалъ
мѣсяца, дня и часа отъѣзда изъ Нѣжина и пріѣзда въ кровъ
родительскій. Но особенно тянула домой избалованнаго и
изнѣженнаго Никошу Малороссія; правда, скорѣе приволье
жизни подъ „Пілтавою“, чѣмъ сама природа. На всю жизнь
Диканьская Малороссія была дорогимъ для Гоголя. Любилъ
онъ часто наѣзжать въ нее, долго засиживаться въ ней, упи-
ваться привольемъ ея жизни, дышать ея мягкимъ и нѣжнымъ
воздухомъ, грѣться и нѣжиться на ея ласкающемъ солнцѣ, на-
слаждаться и заслушиваться ея пѣснью — пѣснью соловья и
пѣснью кобзаря, прислушиваться и присматриваться къ жизни
ея обитателей. Малороссія была для него чуднымъ воспо-
минаніемъ дѣтства, отдыхомъ для души и тѣла, особенно послѣ
столичнаго мыканья „въ шумѣ и толпѣ модныхъ фраковъ“.

И для Тургенева его завѣтный уголокъ Орловскій, его
Спасское — его садъ, пѣсни крестьянскихъ хороводовъ были
притягательными впечатлѣніями его дѣтства. Въ этомъ саду
онъ съ радостью припоминалъ увеселенія своихъ родителей —
богатыхъ баръ : театральныя представленія, разноцвѣтную
иллюминацію и доморощенный оркестръ; но главное — тайныя
мѣстечки сада, въ которыхъ онъ слушалъ съ упоеніемъ и

восторгомъ „сладостныя рѣчи“ своего дворового слуги (разсказъ „Пунинъ и Бабуринъ“); гдѣ часто онъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ послѣ оригинальнаго выраженія любви матери къ своему любимцу — сыну, обливаясь безмолвными слезами, глотая ихъ съ какимъ-то „горькимъ наслажденіемъ“; — та ключевая вода, лучше которой нѣтъ во всемъ мірѣ, тѣ пѣсни крестьянскихъ хороводовъ, которыя до послѣдняго времени „радовали его до глубины души“.

Родина, воспоминаніе о ней — вотъ что глубоко и крѣпко роднитъ обоихъ поэтовъ, вотъ что сильно зоветъ ихъ обоихъ изъ хорошаго, чуднаго далека въ свою „по милу хорошую“ родину. Тургеневъ на смертномъ одрѣ исполненъ глубокой тоски по незамѣнимой родной деревнѣ; онъ относится къ ней всю свою жизнь, какъ влюбленный юноша: онъ радуется, когда ему посылаютъ въ письмѣ листья и цвѣты изъ Спасскаго, продать которое значитъ лечь въ гробъ. Практическій, себѣ на умѣ Гоголь въ письмѣ за письмомъ проситъ присылать ему описаніе обычаевъ, жизни его родины, и самъ въ своихъ первыхъ повѣстяхъ, доставившихъ ему славу писателя, очаровываетъ читателя картинами родной Малорусской природы, приковываетъ вниманіе и, надрываясь отъ здороваго, веселаго смѣха, заставляя не оторваться читателя отъ его малорусскихъ типовъ, отъ простодушныхъ разсказовъ „Ванька рудаго“. И Тургеневъ воспроизводитъ со всевозможными подробностями „Бѣжинъ лугъ“, съ любовью рисуя окрестности своего Спасскаго, Орловскій садъ въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, родную природу — лѣтній вечеръ, полдень, утро, изображая на этомъ фонѣ и народную жизнь близкихъ, дорогихъ ему орловскихъ мужиковъ, крестьянскихъ мальчиковъ — неприглядную, тяжелую, извращающую самыя человѣческія понятія, человѣческую личность, но и въ самомъ извращеніи показывающую челоѣка и не могущую убить его въ немъ окончательно.

Родина для обоихъ писателей — воспоминанія дѣтства, сильныя и крѣпкія, безсознательныя на всю жизнь впечатлѣнія,

начало ихъ писательской славы, народность содержанія и красокъ, тоновъ ихъ произведеній и языка. Родина дала имъ содержаніе ихъ первыхъ признанныхъ литературной критикой произведеній: большинство рассказовъ изъ „Записокъ охотника“ Тургенева, „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя.

Оказывая въ теченіе всей жизни неоцѣнимыя услуги обоимъ писателямъ, родина для каждаго изъ нихъ имѣла еще особенную цѣнность: Тургеневу она указала его истинное дарованіе, дѣлая его художникомъ — бытописателемъ; содержаніе произведеній, взятыхъ изъ жизни родины его — Орловской губерніи, поставило талантъ его на истинный путь: Тургеневъ отрѣшился отъ неизбѣжныхъ и для великаго писателя подражаній въ духѣ Лермонтовскаго байронизма и Достоевскаго сентиментализма, которымъ онъ отдалъ дань произведеніями, появившимися до повѣсти „Муму“, „Постоялый дворъ“ и „Записки Охотника“ (Хорь и Калинычъ). Жизнь на родинѣ, впечатлѣнія дѣтства и условія его жизни до возмужалости опредѣлили въ Тургеневѣ и его другую сторону — борьбу противъ крѣпостного права, его Ганнибаловскую клятву, его борьбу за свободу человѣческой личности; за признаніе правъ за человекомъ, какого бы онъ ни былъ состоянія. Совокупность условій дѣтства Тургенева, закрѣпленныхъ его „купаньемъ въ нѣмецкомъ морѣ“, обусловила „западничество“ Тургенева и его отношеніе къ той русской жизни, которую онъ изображалъ въ своихъ романахъ, „образомъ и давленіемъ времени“ которой были всѣ его произведенія.

Для Гоголя дѣтство, вся совокупность его жизни въ этотъ періодъ имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ для Тургенева. Если Тургеневъ благодаря родинѣ, обстоятельствамъ его жизни на ней, въ независимости отъ воспитанія и образованія, даваемого ему его родителями, сдѣлался народнымъ-національнымъ поэтомъ, прошедши періодъ „подражательности“, то Гоголь, находившійся во все это время въ совершенно иныхъ условіяхъ и со стороны отношенія къ нему родителей, ихъ умственнаго и соціальнаго положенія, и воспитанія и образованія,

характера его, полученнаго во Нѣжинской гимназій, обязанъ дѣтству и юности однимъ очень и очень важнымъ: онъ не единственный ли изъ нашихъ русскихъ великихъ писателей сталъ на литературномъ поприщѣ сразу на свои ноги, на свой путь, не отдавши „дани времени“, подражательности. Правда, въ его первомъ произведеніи „Гансъ Кюхельгартенъ,“ уже по самому заглавію, видна подражательность, но это — единственное „подражательное“ сочиненіе Гоголь предалъ огню, тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ. Пусть причины этого коренятся въ излишнемъ собственномъ самопреклоненіи, самолюбіи, но вѣдь это произведеніе и единственный опытъ Гоголя и не оно дало ему хотя какое-нибудь право на званіе литератора, писателя. Гоголь, выросшій въ чисто русской обстановкѣ домашней, получившій чисто русское образованіе — пусть очень не значительное — чисто-русское въ противоположность европейскому, на европейскій ладъ, съ иностранными языками, съ иностранными гувернерами и пансіонами, этому главнымъ образомъ обязанъ тѣмъ исключеніемъ, котораго не выпало на долю ни Пушкину, ни Лермонтову, ни Тургеневу.

Собирая обильную жатву съ своей родины, тотъ и другой писатель были благодарными ея сынами: каждый изъ нихъ по своему отблагодарилъ ее. Не говоря уже объ увѣковѣчиваніи Малороссіи въ своихъ незабвенныхъ твореніяхъ, Гоголь на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности хотеть издать обширное ея описаніе и даже перевести его на иностранный языкъ. Тургеневъ не только освобождаетъ „рабовъ своей матери“ отъ всякаго рабства, но и въ громадной ущербъ для самого себя награждаетъ ихъ угодами и такимъ образомъ, что самъ въ нѣкоторой степени находится отъ нихъ въ зависимости, но переноситъ ее съ насмѣшкою надъ самимъ собою, а не съ недовольствомъ, ропотомъ на виновниковъ ея.

Дѣтство, „колыбель человѣка“ и воспоминанія о немъ „Златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки“ тѣсно связаны съ тѣмъ существомъ, одно присутствіе котораго всему этому даетъ неизъяснимую прелесть, скрашиваетъ

всю неприглядность его. Это существо — мать. И Гоголю и Тургеневу судьба не только сохранила на долгое время ихъ — первая пережила своего сына —, но и во многомъ тѣсно связала ихъ жизнь другъ съ другомъ, со своими великими сыновьями. Но какъ обѣ матери не походили другъ на друга ни по условіямъ ихъ жизни до замужества и замужней, ни по характеру, ни по взглядамъ, такъ и отношеніе ихъ къ своимъ сыновьямъ и роль въ ихъ жизни совершенно различная. Мать Гоголя — простая, добрая, съ практическою жилкою, нѣсколько экзальтированная, до мистицизма религіозная женщина, горячо любящая и любимая своимъ мужемъ, балующая и обожающая своего гениальнаго „Николашу“; жизнь ея течетъ ровно, спокойно, тихо, посемейному счастливо; развѣ только смерть мужа, похороны дѣтей, да нѣкоторая, чуть ли не вѣчная нехватка въ деньгахъ нѣсколько нарушали, и временами сильно, ея счастливо безоблачную жизнь. Ея сынъ, ея любимецъ — Николаша — былъ ея радостью, ея жизнью; въ немъ послѣ смерти мужа сосредоточивалось чуть ли не все значеніе жизни М. Ив. Гоголь; она нѣжила и голубила своего сына, она молилась на него; онъ былъ для нея ея гордостью, ея счастьемъ и надеждою въ будущемъ, въ которую она горячо вѣрила. Каждому его успѣху она радовалась не меньше его самого; его горе — было и ея горемъ; все, что ни дѣлалъ сынъ: служилъ ли онъ на службѣ чиновникомъ, писалъ ли онъ — для матери было дорогимъ; она сознавала не только природныя дарованія сына, но и его самого ставила много выше себя: онъ былъ для нея и кумиръ и авторитетъ; критически отнестись къ его службѣ, дѣятельности ей не позволяли ни до моленія доходившая любовь, ни преклоненіе и вѣра въ его необыкновенную натуру, ни чувствуемое матерью полученное ея сыномъ, по ея глубокому убѣжденію, образованіе въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ въ Нѣжинской гимназіи, особенно по сравненію съ нею самой, ни невозможность отрѣшиться отъ предрасудковъ, создаваемыхъ условіями жизни.

Совершенно иное представляетъ личность матери Турге-

нева, ея отношеніе къ сыну. И она была женщина простая, незамѣчательная, но оригинальная по своей судьбѣ и по своему характеру. Для нея судьба была мачехой: до замужества она терпѣла нужду, гнетъ и притѣсненія со стороны своего отчима, а потомъ дяди; въ 30 лѣтъ сдѣлавшись свободной и богачкой, она все отдала любимому человѣку, мужу своему Тургеневу, но не получила отъ него того, за что она принесла все: любви, семейнаго счастья. Озлобленная обстоятельствами жизни до замужества, не нашедшая и въ немъ счастья, ея отрицательная, демоническая натура стала метить за тѣ притѣсненія, гнетъ и несчастье, которые она пережила и переживала: свою волю, свое я, не выдавшее счастья и не получившее его, она срываетъ и всячески старается измыслить, изобресть на другихъ — на крѣпостныхъ и даже на своихъ дѣтяхъ, въ частности на своемъ любимомъ сынѣ Иванѣ.

Сама невидавшая и незнавшая ласки, она не даритъ ею и своего сына; онъ для нея не счастье, не радость; ребенокъ живетъ одиноко, совершенно чужимъ въ своей собственной семьѣ; на него не тратятъ нѣжныхъ заботъ, не возлагаютъ и надеждъ, а его искренность и экспансивность, его наблюдательность не только не развиваютъ, не поощряютъ, а караютъ жестоко, немилосердно и даже безсердечно. Его непринужденность, веселость навлекала выговоры матери, когда уже онъ окончилъ университетъ — мѣщанство, мѣщанскій смѣхъ, какъ она называла эти качества своего сына, ею не терпѣлся. Правда, виѣшнихъ заботъ со стороны матери выказывалось немало: она съ трудомъ отпускаетъ его за границу, горько плачетъ, до обморока, при разставаньѣ, служить напутственный молебенъ, даетъ ему на дорогу дядьку. Но въ этомъ и были всѣ ея заботы по отношенію къ сыну и до тѣхъ поръ, пока сынъ ни въ чемъ не прекословилъ ей. Не отвѣчая его дѣтской душѣ, она не давала отвѣтовъ и его взглядамъ: брань, упреки сыпались на голову Тургенева, если онъ являлся деликатнымъ ходатаемъ за крѣпостныхъ; мало того, она стала постепенно сокращать ему содержаніе и въ концѣ концовъ предо-

ставила его почти исключительно собственнымъ средствамъ. Къ тѣмъ занятіямъ своего сына, которыя для него составляли славу, она отнеслась не только холодно, но и нежелательно. Быть литераторомъ, писателемъ она считала предосудительнымъ для ея сына благороднаго происхожденія. „Писатель и писецъ одно и то же;“ получать чины, выгодно жениться былъ ея идеаль для сына. Непослушный въ этомъ сынъ, хотя и сдѣлавшій попытку угодить матери — служить — былъ наказанъ за это: ему, богатому, въ то время единственному наслѣднику и сыну, приходилось жить въ 4 этажѣ, въ частенько нетопленной комнатѣ, а для гостей не имѣть чая. Это не только не преклоненіе передъ сыномъ, не только критическое отношеніе къ его поступкамъ, къ его дѣятельности, но ненависть къ нему, мщеніе за то, что онъ не исповѣдуетъ того, что предъявляетъ мать.

Если мать Гоголя жила счастьемъ своего сына, если она не только снисходительно, но и дружелюбно простила ему его первый, крупный грѣхъ противъ нея — поѣздку за границу на деньги, высланныя для взноса въ опекунскій совѣтъ, то мать Тургенева, поступала по другому: она скорѣе требовала, чтобы ея сынъ жилъ ея счастьемъ, жилъ для нея: за оставленіе родительскаго дома противъ воли матери, Тургеневъ, уѣхавшій за Віардо-Гарсіей изъ Россіи, не только заслужилъ гнѣвъ и немилость матери, но и долженъ былъ бѣдствовать въ чужихъ краяхъ, вести жизнь, „богема знатнаго происхожденія, аристократическаго нищенства“, а онъ былъ единственный и любимый „Ваничка“ у богачки - матери. И таково было отношеніе матери къ Тургеневу вплоть до самой ея смерти. А между тѣмъ сынъ все время платилъ ей поразительною сыновнею почтительностью, преданностью и горячею любовью. Не сходясь съ своею матерью во взглядахъ на жизнь, врагъ ея невозможныхъ отношеній къ крѣпостнымъ, онъ съ болью въ сердцѣ, губоко страдая, но мягко, деликатно, не оскорбляя ничуть матери, выражалъ свой протестъ противъ этого. Оскорбляемый ею въ своей личной жизни, онъ притворялся счастли-

вымъ, довольнымъ, лишь бы не выдать виновницы его несчастій, его бѣдственнаго экономическаго положенія. Болѣзнь матери вызывала его тревогу. Разъ въ жизни, въ чемъ онъ глубоко раскаивался, онъ искренно заявилъ матери о ея безчеловѣчномъ отношеніи къ его старшему брату, женившемуся противъ ея воли, и укорилъ мать вообще за ея отношенія къ людямъ. Прогнанный матерью съ ея глазъ, онъ ушелъ со слезами отъ нея; въ письмахъ онъ выпрашивалъ себѣ прощенія, тайно прѣзжалъ освѣдомляться о ея здоровьѣ, глубоко раскаивался въ своемъ разговорѣ съ нею; не извѣщенный во время о послѣднихъ дняхъ ея жизни, онъ не засталъ матери въ живыхъ, и чуть ли не этотъ свой поступокъ считалъ причиной ея ускоренной смерти.

Горячею привязанностью, нѣжной заботой и сильною любовью и Гоголь платилъ своей матери за ея любовь къ нему; но эта была благодарность за благодарность, отплата за отплату; были минуты, когда Гоголь готовъ былъ отдать всю свою славу за здоровье матери; съ гимназіи до поѣздки въ Петербургъ, съ начала писательскаго поприща до апогея его славы, до самой смерти, Гоголь былъ глубоко преданный и горячо любящій, заботливый сынъ, но и любимый до самозабвенія и до преклоненія своею матерью. Мать Гоголя, получавшая любовь за любовь, была для него непосредственной воспитательницей нѣкоторыхъ чертъ его характера, передала ему ихъ, культивировала въ немъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Она воспитала въ немъ, развивала въ немъ вѣру въ него самого, въ его великое назначеніе, прививая ему вмѣстѣ съ этимъ и самообожаніе; она развила и поселила въ немъ глубокое религіозное чувство, доходившее до мистицизма, приведшее его къ трагической развязкѣ со многими его твореніями, давшее ему мучительнѣйшій мѣсяцъ его жизни и, можетъ быть, ускорившее его смерть. Отъ матери Гоголь унаслѣдовалъ и нѣкоторую практическую жилку. Мать для него была и непосредственной передатчицей тѣхъ необходимыхъ для Гоголя свѣдѣній и фактовъ для его первыхъ литературныхъ трудовъ:

она его помощница въ собираніи малорусскихъ обычаевъ, повѣрій, пѣсенъ.

Для Тургенева мать не была ни непосредственной воспитательницей, ни посредственной помощницей въ томъ смыслѣ, въ какомъ была для Гоголя его мать. Она въ этомъ смыслѣ ничего не дала и не сдѣлала для своего сына; она, наоборотъ врагъ его таланта; сынъ не унаслѣдовалъ отъ нея ни одной черты характера. Все значеніе матери для художника Тургенева поясняется развѣ выраженіемъ: и въ худѣ бываетъ добро. Кто знаетъ, не будь Варвара Петровна до мозга костей помѣщицей-крѣпостничкой, въ своемъ родѣ знаменитой Салтычихой, не попади въ такую тяжелую атмосѣру крѣпостничества съ дѣтства до полной возмужалости, не переживи самъ всѣхъ ужасовъ его, какъ невольный свидѣтель, очевидецъ и тайный борецъ противъ него, можетъ быть, Тургеневъ не вышелъ бы во всеоружіи на борьбу съ этимъ врагомъ, не сумѣлъ бы такъ мѣтко поразить его и во всю жизнь сдержатъ своей ганнибаловой клятвы.

Роль отцовъ на обоихъ писателей близко подходитъ къ вліянію на нихъ матерей: Гоголь и въ этомъ случаѣ былъ въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Тургеневъ. Отецъ Гоголь былъ заботливый отецъ о своемъ сынѣ; онъ стремился и далъ ему возможность по тому времени получить хорошее образованіе; онъ старался потеплѣе устроить жизнь своего сына въ Нѣжинѣ. Ничего, кромѣ равнодушія, не зналъ Тургеневъ со стороны своего отца. Но Гоголь не только заботливостью обязанъ своему отцу; отъ отца онъ унаслѣдовалъ любовь къ театру, юморъ. Если едва ли возможно видѣть хотя нѣкоторую связь между литературными пробами отца знаменитаго сына и геніальными литературными твореніями сына — Гоголя, все же между отцомъ и сыномъ существуетъ хотя внѣшняя преемственная связь. Ничего подобнаго не было у Тургенева и его отца; и по отношенію къ отцу Тургеневскія воспоминанія были, если не тяжелы, то непріятны: онъ неохотно вспоминалъ о своемъ отцѣ, опредѣляя

развѣ „съ полною искренностью преобладавшую черту его характера: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ“. У Гоголя и Тургенева съ этой стороны развѣ одно было внѣшнее сходство: оба они рано потеряли своихъ отцовъ. Но для одного — Тургенева — это потеря была совершенно нечувствительна, для другого — Гоголя — она имѣла нѣкоторое значеніе: она заставила его посерьезнѣе взглянуть на жизнь, на самого себя и на свое назначеніе по отношенію къ семьѣ.

При нѣсколькихъ разныхъ отношеніяхъ родителей обоихъ писателей къ своимъ дѣтямъ, при нѣкоторомъ незначительномъ взаимодѣйствіи родителей на Гоголя, семья на нихъ не оказала никакого, можно сказать, непосредственнаго вліянія въ смыслѣ развитія въ нихъ таланта писателя: семья Гоголя ни по своимъ понятіямъ и взглядамъ, ни по условію жизни не могла культивировать его; семья Тургенева, въ лицѣ его матери, видѣла въ немъ позоръ для Тургеневскаго рода. И если въ первой семьѣ нужно удивляться, какъ онъ незамѣтно, самъ по себѣ, росъ, набирался силъ и впечатлѣній, не находя почти никакой почвы и культуры для себя, то во второй семьѣ происходитъ что-то поразительное, сверхъестественное, чудесное. Здѣсь не было не только людей, которые бы даже почувствовали грядущую силу въ ребенкѣ, дали небольшой толчокъ міру будущаго великаго художника, но и наоборотъ, здѣсь дѣлали все, чтобы искоренить и заглушить божественную искру. Только какая-то невѣдомая, „чудная сила, породившая величайшаго проповѣдника гуманности и мысли въ царствѣ насилія и мрака, вывела къ свѣту свое избранное дѣтище“!

Въ дѣтствѣ у Гоголя не заглушали божественной искры; жизнь, годы ученія въ Нѣжинской гимназіи все-таки нѣсколько отвѣчали развитію таланта. Устраиваемые литературные вечера — ученическіе спектакли, привольная, свободная жизнь въ самомъ школьномъ интернатѣ, не давившая умственно-литературныхъ интересовъ кучки лицъ, группировавшихся около

Гоголя или вѣрнѣе Рѣдкина, личности всѣхъ учениковъ, сослужили нѣкоторую службу для Гоголя — писателя: дали выходъ его писательскому комическому таланту, его вѣрѣ въ самого себя, въ свое назначеніе среди людей, общества и направили его интересы на литературу, на книгу. Тургеневъ до 27-го года, до поступленія въ пансіонъ Вейденгаммера, былъ лишенъ и этого: его окружали картины помѣщичьяго произвола, суровое и холодное отношеніе его родителей и полное одиночество. Съ этого года, съ переѣзда въ Москву жизнь будущаго писателя получаетъ нѣкоторымъ образомъ новое содержаніе, новое направленіе. Начинается школьный періодъ жизни: товарищество, учебные предметы, запросы ума, чтеніе книгъ, литература. Гоголь этотъ періодъ почувствовалъ раньше. Оба писателя, несмотря на ученье не только въ разныхъ концахъ Россіи, даже въ мало похожихъ другъ на друга учебныхъ заведеніяхъ, и въ этомъ отношеніи пережили много сходнаго, испытали одно и то же по существу своему вліяніе, чуть ли не вынесли одинъ и тотъ же результатъ. Важно здѣсь не то только, что разныя учебныя заведенія были *almae matres* ихъ обоихъ — разныя по своимъ программамъ, но въ нихъ былъ одинъ и тотъ же духъ, одно и то же направленіе въ наукѣ, въ преподаваніи ея слушателямъ, но важнѣе еще то, что школьные факторы, факторы школьнаго возраста были одни и тѣ же у обоихъ писателей и дали одни и тѣ же плоды. Самая школа мало дала и Гоголю и Тургеневу: оба они невесело смотрѣли на то, чему и какъ ихъ учили, и на тѣхъ, кто ихъ училъ. Какъ нарочно какъ будто сговорились писатели и въ отношеніи къ школѣ, такъ сговорилась и самая школа къ образованію ихъ. И въ университетахъ Москвы и Петербурга у Тургенева и въ гимназій высшихъ наукъ Нѣжина у Гоголя большинство профессоровъ не пользовались никакимъ авторитетомъ у своихъ слушателей да и были они съ небольшимъ научнымъ багажомъ; за то посмѣяться, составить и послушать смѣхотворные анекдоты про нихъ не было недостатка ни въ Нѣжинѣ, ни въ университетахъ столицъ.

Что же особенно поразительно, кафедры литературы отечественной въ обоихъ мѣстахъ стояли на одинаковомъ низкомъ уровнѣ: тѣ же схоластическіе приемы преподаванія, схоластическіе учебники, то же преклоненіе и сидѣніе на Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, запрещенность и преступность имени Пушкина. Ни въ кафедрахъ, ни въ жизни профессоровъ не было ученой, литературной жизни — это была тихая гладь, Божья благодать. Одинъ только Плетневъ, котораго ученый багажъ былъ весьма легокъ, по замѣчанію Тургенева, возбуждалъ у слушателей интересъ къ предмету и уважался ими преимущественно потому, что былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ славнѣйшимъ представителямъ тогдашней литературы. Иванъ Сергѣевичъ бывалъ на его литературныхъ вечерахъ, ему онъ обязанъ разборомъ своей первой поэмы „Стенію“, напечатанію въ „Современникѣ“ одного изъ первыхъ стихотвореній „Старый дубъ“. Но это было уже вліяніе за университетомъ.

Не школа своимъ преподаваньемъ будила пытливость ума и вводила ихъ въ литературные интересы, а товарищество. Вліяніе его началось для Тургенева съ поступленія въ пансіонъ Вейденгаммера, для Гоголя — въ Нѣжинскую гимназію. На первыхъ порахъ бросается въ глаза здѣсь то, что обыкновенно наблюдается въ школѣ закрытой да и открытой — обученіе и жестокое обученіе тѣхъ новичковъ, которые или въ силу непривычки или въ силу своей тщедушности не могутъ „дать сдачи“, внушить уваженіе къ своей особѣ. Такими новичками оказались и Тургеневъ и Гоголь; обоимъ имъ несладко жилось на первыхъ порахъ въ школѣ: первому причиняли жестокія страданія товарищи надавливаніемъ на темя, которое у него было очень тонко; второй — тщедушный, золотушный и неособенно чистоплотный — главнымъ образомъ испытывалъ кучу насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ собою. Но это кстати, не въ этомъ главное дѣло.

Чтеніе книгъ, совмѣстныя бесѣды о прочитанномъ, а въ Нѣжинѣ и собственный журналъ — вотъ что было дорого

и цѣнно для нашихъ великихъ школьниковъ. Оба они жили этимъ, хотя каждый изъ нихъ увлекался не однимъ и тѣмъ же: германская романтическая поэзія, романъ Загоскина „Юрій Милославскій“, а впоследствии одно время Марлинскій, Бенедиктовъ сводили съ ума романтически настроеннаго Тургенева; альманахъ Дельвига, сочиненія Пушкина были поклоненіемъ Гоголя. Собственныя пробы пера въ ученическомъ журналѣ, умственно-литературные интересы товарищей Рѣдкина, Данилевскаго, Прокоповича и другихъ, какъ противобѣсъ схоластикѣ профессора русской словесности, давали пищу еще скрытому литературному таланту Гоголя. Безъ вліянія и сильнаго вліянія товарищества не обошелся и Тургеневъ. Въ школахъ, въ которыхъ онъ учился, этого не было: Тургеневъ недолго былъ и въ пансіонѣ Вейденгаммера, Лазаревскомъ институтѣ, въ Московскомъ университетѣ. Товарищескій кружокъ въ Москвѣ Бѣлинскаго, Станкевича и Герцена не могъ по этому считать его своимъ членомъ. Только въ заграничной школѣ Тургеневъ, среди своихъ соотечественниковъ — гегельянцевъ: Станкевича, Грановскаго, Бакунина и Невѣрова, испыталъ громадное вліяніе и высокое чувство этого товарищества, энтузіастовъ истины и человѣческой свободы. Два года пребыванія въ Берлинѣ въ ученѣи и главнымъ образомъ въ горячихъ спорахъ этого кружка прошли далеко небезслѣдно для Тургенева: они окунули его въ нѣмецкое море, они направили его умъ и силу воли на Ганнибаловскую клятву временно не тѣмъ орудіемъ, какимъ онъ долженъ былъ владѣть и овладѣть, какъ никто. „Рудинъ“ же виѣ всякаго сомнѣнія есть посредственное и непосредственное слѣдствіе этого кружка.

Нѣжинской гимназіей окончилъ свое образованіе Гоголь, Тургеневъ — лекціями въ Берлинѣ. У обоихъ послѣ этого наступила пора самостоятельнаго выхода въ жизнь. Оба они мало внесли въ нее подготовленнаго, особенно Гоголь входилъ въ нее, совершенно ея не зная, строя въ своемъ воображеніи исполнѣ невѣрныя картины, входилъ, до сихъ поръ ни разу

не сдѣлавъ предварительнаго самостоятельнаго шага. Энтузіастомъ въ жизнь и въ свое высокое назначеніе въ ней онъ ѣхалъ въ Петербургъ. Тургеневъ былъ въ Петербургѣ почти какъ дома; Тургеневъ хотя и съ дядькой, но испыталъ и бурю морскую и бурю житейскую. Но за то оба они для своей, въ то время ими несознаваемой цѣли, были безъ всякой подготовки. Если у Гоголя ничто не давило его таившагося призванія, то и очень было мало для развитія его; у Тургенева же дома было умерщвленіе его, вражда къ нему; школа и товарищество прямого, непосредственнаго тоже ничего не давали. Они оба были самородки, Богомъ щедро надѣленные, избранныя природы, не сознававшія пока своего избранія. Оба впечатлительные, наблюдательные, они вбирали въ себя впечатлѣнія жизни, съ того только разницею, что Гоголь скрывалъ, сознательно таилъ ихъ въ себѣ, Тургеневъ же все, что можно было, откровенно высказывалъ.

По странному стеченію обстоятельствъ оба они избираютъ себѣ тотъ путь, который былъ не по нимъ; для одного изъ нихъ онъ и до сихъ поръ составляетъ ошибку, насмѣшку и пробѣлъ въ памяти о немъ — пресловутая Гоголя ученая кафедра исторіи, о которой сохранилъ воспоминанія самъ Тургеневъ; для второго тотъ же путь — ученая карьера философа — не удалась по препятствіямъ формальнаго характера: не существовало ни кафедры, ни экзаменатора; но все-таки это вызвало немалое удивленіе въ людахъ, близко его знавшихъ. Попытка второго и понятна — она слѣдствіе двухъ годичнаго изученія въ Берлинѣ философіи Гегеля и вѣры, главнымъ образомъ согрѣтой и подогрѣтой кружкомъ Станкевича, въ силу науки, освобождающей и возвышающей свободу и личность человѣка. Нѣкоторый ученый зудъ у Тургенева сказанъ на студенческой скамьѣ русскаго университета напечатаніемъ въ Ж. М. Н. Просвѣщенія критической статьи о книгѣ А. И. Муравьева „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ“.

У Гоголя подобныхъ близкихъ и отдаленныхъ причинъ не было, кромѣ хорошей постановки исторіи въ Нѣжинской гимназіи и любимаго учителя по ней. Источникъ Гоголевской профессуры — вѣра въ свои собственныя недожинныя силы, въ свою избранную натуру, въ творческомъ воображеніи, рисовавшемъ ему смѣлыя картины прошлаго, особенно Малороссіи, да подвернувшееся при этомъ участіе добраго Плетнева. На короткое время оба они дѣлаются чиновниками — одинъ подъ сильнымъ давленіемъ матери, другой — по стеченію обстоятельствъ и заранѣе воспитанному и сложившемуся, но не по жизненному идеалу о высотѣ и полезности чиновничьей службы. Неправильно начатыя первые самостоятельные шаги скоро были исправлены. Гоголь до профессуры выпустилъ „Вечера близъ Диканьки“, сдѣлавшіе его извѣстнымъ и опредѣлившіе его путь жизни; Тургеневъ послѣ попытки сдѣлаться ученымъ, отдавши дань Лермонтову и Достоевскому, „возымѣвшій твердое намѣреніе вовсе оставить литературу, помѣстилъ случайно въ Современникѣ рассказъ изъ „Записокъ Охотника“: „Хорь и Калинычъ,“ обѣщавшій въ немъ „замѣчательнаго писателя въ будущемъ“ (Бѣлинскій), а въ слѣдующемъ году 6 рассказовъ тѣхъ же „Записокъ Охотника“.

Родина, впечатлѣнія дѣтства дали обоимъ писателямъ содержаніе этихъ ихъ произведеній: одному — Малороссія, съ ея народными сказаньями, съ богатой поэзіей самой по себѣ и въ жизни, другому — Орловская губернія, крѣпостничество, переживаемое въ дѣтствѣ, наблюдаемое лично самимъ авторомъ и впоследствии.

Нужда, переживаемая въ это время обоими писателями, сближаетъ также появленіе этихъ произведеній: Тургеневъ съ 49-го года, разсорившійся изъ-за Віардо съ матерью, сидитъ за границей безъ денегъ — живетъ на дачѣ Віардо въ полномъ одиночествѣ, питается супомъ изъ полукурицы и яичницей. Чувствуя вѣчную потребность въ деньгахъ для самаго нужнаго, испытывая жестокаго страданія для своего самолюбія,

принужденный изъ-за нужды бѣгать отъ своихъ знакомыхъ, Тургеневъ говоритъ рассказы изъ „Зап. Охотника“. Гоголь писалъ свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, находясь въ подобномъ же положеніи. Неудачно начавшій чиновничью карьеру, перебивавшійся уроками исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, по протекціи Плетнева, чувствовавшій свою вину передъ матерью за свое совершенное экспромптомъ путешествіе за границу, зная, какъ тяжело ей живется безъ денегъ въ деревнѣ, Гоголь выпускаетъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. — Нужда вызвала у обоихъ писателей дѣятельное творчество. Самый выпускъ „Вечеровъ“ и появленіе перваго рассказа Тургенева, самое заглавіе ихъ имѣетъ одну и ту же литературную судьбу. У Гоголя первый томъ „Вечеровъ“ вышелъ благодаря Плетневу: онъ посоветовалъ ему издать первый сборникъ его повѣстей подъ псевдонимомъ; Плетневъ придумалъ для него заглавіе, рассчитанное на то, чтобы возбудить интересъ и снисхожденіе въ публикѣ. Аналогично и съ первымъ рассказомъ „Записокъ Охотника“, къ которому и авторъ и редакція „Современника“ отнеслись съ крайнею скромностью: помѣстили его въ отдѣлѣ смѣси, помѣстили вообще совершенно случайно, по настоянію редакціи; даже не самъ Тургеневъ прибавилъ слова, далъ заглавіе, оставшееся за серіей всѣхъ рассказовъ: изъ „Зап. Охотника“ — съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію.

Самый успѣхъ и этого рассказа Тургенева и другихъ рассказовъ „Записокъ Охотника“, а равнымъ образомъ и „Вечеровъ на хуторѣ“ былъ одинаковъ — успѣхъ не соотвѣтствовалъ предосторожностямъ совѣтчиковъ и авторовъ; мало того, оба они послѣ этого почувствовали въ себѣ настоящую литературную силу, повѣрили въ свой талантъ и вышли на настоящую свою дорогу.

Вмѣстѣ съ нуждою, какъ одно изъ слѣдствій ея, Тургеневъ переживалъ и нравственныя мученія. Гоголь испытывалъ тоже самое; страшный душевный разладъ, тоска царила въ его душѣ. Чтобы нѣсколько обезсилить это мучительное

душевное состояніе, Гоголь создавалъ рассказы „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“; онъ вызывалъ въ своей фантазіи противоположные душевному настроенію образы — веселые, шаловливые, съ иногда прорывавшимся оттѣнкомъ грусти. Не такъ поступалъ Тургеневъ — онъ дѣйствовалъ по русской пословицѣ: клинъ вышибалъ клиномъ. Подъ гнетомъ бѣдности, страдавшій сильно по ничтожнымъ причинамъ, созданнымъ матерью (лишеніе денежнаго пособія единственному сыну), онъ рисуетъ картины рабства народнаго, крѣпостничества; работая надъ этимъ, онъ хочетъ выйти изъ этого гнета бѣдности и ея отрицательныхъ сторонъ, хочетъ быть свободнымъ отъ нея; во имя той же свободы онъ наноситъ удары и гнету крѣпостнаго права. Невеселыя картины и по самому содержанию и по самой идеѣ рисуетъ авторъ, самъ испытывающій рабство бѣдности по прихоти крѣпостнички-матери къ любимому сыну. Дѣйствующія лица „Хорь и Калиныча“, разказа, появившагося при подобныхъ обстоятельствахъ жизни Тургенева, какъ бы иллюстрація къ жизни самого Тургенева. Оба мужика — натуры сильнѣе и цѣльнѣе своего барина; Хорь прекрасно сознаетъ свое превосходство надъ нимъ, Хорь понимаетъ своего барина; для читателя Хорь неизмѣримо выше Полутыкина; жизнь Хоря — осмысленная, сознательная, приучившая его хитро, самостоятельно измышлять мѣры къ отстаиванію своей свободы, оставаясь крѣпостникомъ своего барина. Здравый смыслъ, крѣпкія руки обставляютъ сносно его жизнь, но не такъ, какъ желалъ бы Хорь. Въ тѣхъ же условіяхъ и Тургеневъ по отношенію къ своей матери. Онъ у нея крѣпостной; собственные его интересы даютъ самостоятельный смыслъ его жизни, а работа — трудъ литературный — даетъ средства поддерживать эту самостоятельность жизни, но въ то же время чувствуется и связь крѣпостничества, любовнаго деспотизма надъ нимъ его матери, которая по своему развитію, по своимъ привычкамъ уступаетъ во всемъ своему сыну. Другую сторону жизни Тургенева — его любовь къ матери, его безграничную въ душѣ преданность къ

ней какъ бы иллюстрируетъ Калинычъ, этотъ благоговѣющій крестьянинъ передъ Полутыкинымъ; оба они, Тургеневъ и Калинычъ, къ своимъ „господамъ“ относятся съ удивительною нѣжностью, оба они, страдая отъ „господской любви“ и сознавая это, не показываютъ этого другимъ, даже не позволяютъ другимъ винить въ этомъ ихъ „господъ“.

Испытывая нужду и побуждаемые ею, ища успокоенія отъ нерадостныхъ душевныхъ настроеній, оба писателя окончательно и рѣшительно выступили на свой литературный путь, какъ на ихъ главное призваніе. Побуждаемые Плетневымъ, ихъ литературнымъ крестнымъ отцомъ, Тургеневъ и Гоголь, при довольно значительной разницѣ во времени ихъ литературной дѣятельности, благоговѣли передъ однимъ кумиромъ, Пушкинымъ. Если для Гоголя Пушкинъ былъ „все“, какъ совѣтникъ, помощникъ-другъ и въ жизни и въ дѣятельности его, то для Тургенева его значеніе было только въ дѣятельности: онъ — его отдаленный ученикъ, благоговѣйный и благодарный, завѣщавшій похоронить себя у ногъ своего учителя.

Пушкинъ былъ для обоихъ цѣлью и идеаломъ, литературнымъ судьей, литературной совѣстью обоихъ, передъ которой они оба преклонялись: одинъ — живому Пушкину, другой передъ его памятью. Оба они въ извѣстномъ смыслѣ ученики его, на обоихъ изъ нихъ сказался его геній — одинъ былъ его дополненіемъ, какъ изобразитель отрицательной стороны русской дѣйствительности, другой — его продолженіемъ, какъ художникъ. На долю перваго выпало счастье раздѣлить съ Пушкинымъ право быть основателемъ народнаго реального направленія, альфой и омегой его, самостоятельности русской литературы для русскихъ, на долю втораго (Тургенева) развить эту самобытность и быть первымъ европейскимъ русскимъ писателемъ, съ котораго начинается сказываться вліяніе русскаго генія на Европейскую литературу.

Подобно тому какъ Пушкинъ для обоихъ былъ кумиромъ,

вышимъ судомъ и „завѣтовъ прошлаго вѣстникъ“, такъ милое далеко, зарубежъ былъ мѣстомъ творчества ихъ лучшихъ произведеній; для нихъ обоихъ нужно было, чтобы настоящимъ образомъ любить Россію и изображать ее, удалиться отъ нея; для обоихъ заграница, путешествіе въ ней были необходимомъ отдыхомъ отъ тревожной жизни. Правда, причины этого были разныя: Віардо играла главную роль въ заграничной жизни Тургенева, чего не было у Гоголя.

Заграницу, ея природу, но не жителей полюбили они оба и какъ люди. Для одного Франція была дорога и мила, для другого Италія была второю родиною, хотя частенько обоихъ тянуло въ настоящую родину, въ Россію, особенно одного въ Малороссію, другого въ Спасское Орловской губерніи. Заграница и родина разнообразили ихъ жизнь, вносили въ нее что-то радостное, свѣтлое, такъ какъ у обоихъ она была не изъ счастливыхъ. Во всю свою жизнь оба они были одиноки, оба, можно сказать, были мученики въ ней. Тяжело, неуютно жилось имъ. Тургеневъ связалъ свою жизнь съ семействомъ Віардо; всѣмъ дорогимъ платя этому семейству, онъ былъ для него чужой человѣкъ; онъ находилъ въ немъ отдыхъ и утѣшеніе въ той артистической обстановкѣ, которой вознаграждала его эта семья, но она не давала ему того человѣческаго счастья, котораго онъ искалъ вѣчно; въ этой семьѣ онъ не нашелъ себѣ внутренняго отдыха для своей души. Онъ былъ одинокъ; при всей тщательности скрывать это одиночество, оно прорывалось у него въ письмахъ къ друзьямъ, въ разговорѣ съ ними, въ его произведеніяхъ: „Довольно“ „Дневникъ лишняго человѣка“ и другихъ. Особенно сильно сказалось это одиночество въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ, страшно страдающій, беспомощный, жестоко одинъ мучился, умиралъ наверху, въ своей комнатѣ, въ то время какъ внизу, у той семьи, въ которой онъ видѣлъ человѣческое счастье, была вѣчно музыка, пѣніе, танцы веселье.

Одиночество не пощадило и Гоголя; у него оно было еще сильнѣе. Тургеневъ весь отдался семьѣ Віардо и въ своей привязанности къ ней находилъ для себя нѣкоторое утѣшеніе и счастье, дорого стоившее ему. Гоголь былъ лишень и этого: одна развѣ мать, горячо и нѣжно любимая, нѣсколько скрашивала его жизнь; его любовь къ ней была велика, сильна, но это еще не личное счастье, это любовь благовѣйнаго сына къ своей матери, которая ни по своимъ понятіямъ, ни по образу жизни не могла отвѣтить душевнымъ запросамъ своего сына; она не могла захватить всего человѣка — Гоголя, какъ Тургенева иногда семья Віардо. Въ этомъ отношеніи Гоголь прямо противоположность Тургеневу: для послѣдняго, пѣвца русской женщины, ея любви, вся личная жизнь была посвящена чужой для него женщинѣ, ибо нельзя говорить о его привязанности къ его дочери отъ Авдотьи Ермолаевны Ивановой; Тургеневъ въ этомъ отношеніи отецъ своихъ „Отцовъ и дѣтей“ — Кирсановыхъ, Лаврецкихъ: вся его личная жизнь была въ любви, не давшей ему счастья. Гоголь не отдалъ этому дань — его увлеченіе Смирновой-Росетти, его желаніе жениться подъ конецъ жизни на Вельегорской, только эпизоды изъ его жизни, но не больше: онъ былъ въ этомъ отношеніи одинъ, а въ жизни и одинокъ. Друзья, поклонники его таланта — вотъ кто скрашивали жизнь обоихъ писателей, жизнь мучительную, хотя бы и по разнымъ мотивамъ: для одного она неудовлетворенность въ личномъ счастьѣ; для другого — въ сознаніи правильности исполненнаго долга, прожитой жизни, чело-вѣческаго назначенія и особенно своихъ поэтическихъ твореній. Оба мучились сильно и долго. Но одинъ, еще при жизни вынесшій немало огорченій за свои произведенія, при жизни былъ увѣнчанъ славою — Пушкинскій праздникъ — Тургеневское торжество — и не пережилъ ея, а она росла и росла все больше, и со славою великаго писателя русскаго и европейскаго, признаннаго таковымъ на первыхъ порахъ Франціей раньше родины, сошелъ въ могилу. А другой, при жизни испытавшій (только) главнымъ образомъ

оскорбленья, невзгоды отъ пошлыхъ, изображенныхъ имъ людей, увидавшихъ въ нихъ себя, пережившій муки художника-творца: разочарованье въ своемъ дѣтищѣ, съ кличкой зачумленного лакейскаго писателя зарытъ былъ въ могилу и чуть ли не впервые дождался, чрезъ 50 лѣтъ послѣ смерти, полного признанія великаго русскаго писателя, — того, о чемъ Тургеневъ писалъ въ своей статьѣ-некрологѣ.

Ar 902
Кузнецов